

Меморандум Е. Догин, 1987, 28 стр.

Евгению-Доге завтра, в первый день весны исполнится 50 лет. Его день рождения совпадает с открытием «Мэрцишора», праздника, который может считаться законно композиторским. Кроме того, есть еще одно совпадение, которое бросается в глаза. Композитор сам тоже «весенний» — вечно меняющийся, быстрый, молодой человек с непостижимыми реакциями на все новое, такими свежими и индивидуальными, что совсем не помнишь про какие-то его пятьдесят (теперь — пятьдесят). Но ему все равно никогда столько не будет. Потому что если каждый человек застывает в каком-то определенном возрасте однажды и навсегда, то он «застыл» где-то на тридцати с копейками. Да, талант зрелый, но новизна впечатлений, реакций и ощущений еще совсем молодые.

Пусть таким и остается навсегда! А что ему пожелать? Эгонистически пожелать разве, чтобы радовал нас новыми произведениями, ну, а лично-то что? Не изменять самому себе. И быть счастливым.

Теперь вопрос: как лучше отмечать юбилей? Евгений Дога редко бывал на свои дни рождения дома; по-моему, ему претило фиксировать в сознании, что уже столько-то и столько-то позади. Он работал. Отметим и мы этот его юбилей работой. Возьмем у него интервью.

КОРР.: — Вот мы в «Молодежке» накануне «Мэрцишора» заспорили о новых ансамблях, о «любимчиках» молодежи, которые нам самим не всегда нравятся. А вообще, как относиться к такому явлению, как массовая или усредненная танцевальная музыка? Или к ансамблям, которые не дотягивают до профессиональных, однако, вопреки всяким ожиданиям, имеют своих поклонников среди молодежи «до 30»?

Е. ДОГА: — Не хотелось бы говорить, давая музыкальным авторитетом, что, мол, вот это — вообще не музыка, а это — не песня, а кто его знает, что... Так, может, и проще. Я-то, конечно, тоже недоумеваю над иными авторитетами, и убежден, что кое-кто из них ненадолго. Однако, как эти народившиеся ансамбли оценивать? К сожалению, не придумали такой весовой единицы, чтобы взвешивать душу. А жаль. Вот бы ее «удельная тяжесть» и стала бы проверкой, кто имеет право воздействовать на других, а кто нет.

Допустим, появляется ансамбль. Пусть для узкого круга, для «своих», потом пленки с его записью распространяются. — казалось бы, ну и что? А запись, может быть, засоряет «окружающую среду», — сверстников, соотечественников, общество... Вот этой не-

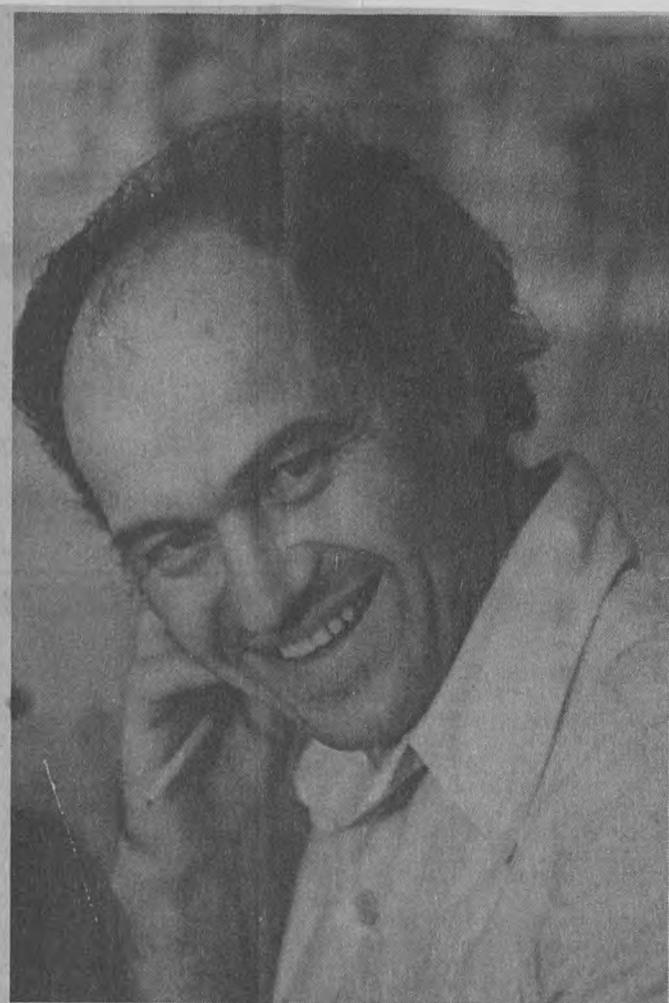
решали(а) самодельностью. Я не говорю — «запретить», «не пущать». Надо узнать... оценить, конечно. Но и не только.

Можно только приветствовать процесс большей демократизации нашего общества, который сказался и в том, что мы стали терпимее к новому в музыке, даем ему дорогу. Наше общество может дать оценку тому или иному явлению искусства. Значит, надо вынести его на суд. Обсудить. Но что получается? Сейчас в прессе широко стала публиковаться информация о различных музыкальных ансамблях, нарочито, по-моему, избегается расставлять акценты, чтобы не «отпугнуть» какую-то категорию поклонников определенного стиля музыки. Раньше у нас был другой перекос — информации было мало, давила авторитарность. Сейчас начался крен — не давать точных оценок. И не указывать, куда бы лучше направить свои музыкальные интересы.

А что, это верно? Точка отсчета куда-то подевалась. А формировать вкусы хорошим музыкальным воспитанием надо. Народ-то всегда тянулся к лучшему и наследовал его. А у развлекательности и пошлости что наследовало? Ну, вот, я, кажется, все-таки впал в категоричность. А этого молодые не любят.

КОРР.: — А танцы, современные танцы? Мы накануне XX съезда ЛКСММ в дискуссионном центре обсуждали, каким быть молодежному кафе — баром, дискотекой, клубом, и тем и другим? Но поклонников у дискотеки оказалось неожиданно много...

Е. ДОГА: — Недавно вышла на экраны кинолента «Танцплощадка» с моей музыкой. Если вы заметили, я отдал дань современным ритмам. Пусть там такая разная музыка, но, надеюсь, однако, — вся мелодичная, и душевная. Я-то писал ее с душой. Меня в работе вдохновляли воспоминания о том, как я сам ходил когда-то на танцплощадку. Мы ходили втроем. Три парня. И у каждого была девушка, с которой мы надеялись протанцевать весь вечер. Никто на девушку друга «не посягал». Она была не чьей-то принадлежностью, а частью жизни каждого. Понимаете, какая разница? И потом, мы не обязательно танцевали. Кто-то мог сидеть в сторонке и под настроенное слушать соло в оркестре. Кто-то мечтал и следил за танцующими. Что я часто, например, и делал. Сейчас такой картинке на танцах не увидишь. Она напрочь исчезла. В современной дискотеке тебе грустить или думать не дадут. В адском омуте в одном ритме крутят диск за диском. Это

«МУЗЫКА — ЭТО НЕ КОМФОРТ...»

или О том, как относиться к разнообразию жанров и что считать главным в «легкой музыке»

страшная штука, когда один ритм владеет вечер за вечером. Тум-ба, тум-ба, тум-ба... Тушит свет... Может, это и хорошо. На мгновение. Но если все время темно — когда посмотреть друг другу в глаза? Ведь надо же уметь посмотреть в «эти глаза напротив». Нужно уметь «читать» эти глаза. А что же в темноте можно ощутить? Инстинкты? Они, кстати, как ни странно, тоже «получают дотацию» от духовного богатства, а без него —

иссякают. Атрофируются. Как же без общения? Какие публичные танцы без взаимодействия людей? Сейчас танцуют раздельным способом. Это же потеря потрясающей связи, когда можно прикоснуться к человеку живому, а может, любимому. Это гамма чувств, когда впервые и все еще не решено... Знаете, эта дискотечная какофония неспособна сделать главное, по-моему: превратить энергию музыки в жажду творчества и сопереживания. (Хм, не

думал, а сказал афоризм). Музыкальная информация поступает, но в состоянии души не превращается. Бич всякой модернистской рок-музыки или стиля диско, если в них нет элементов «чистого стиля», под которым я разумею музыкальные традиции.

КОРР.: — Понимаете, получается интересная вещь. Мы-то можем воспитывать. Говорить, убеждать. Но что делать, если молодежь считает эту «оформительскую» диско-музыку своей?

Е. ДОГА: — Можно и вычеркнуть Мусоргского из радиопрограмм, как делали у нас на республиканском радио. И насаждать развлекательность, а потом удивляться, почему у молодых своя, такая странная, пестрая любовь, в которой нет места вкусу. Вот мы идем по пути выполнения заявок на ТВ и радио. Письма пришли... Но ведь разные-то письма приходят, а? А если так передачу сделать, чтобы письма приходили не только с просьбой о «Модерн токнинг»? Еще раз подчеркну, что вкусы на самотек не пускают. В свое время, если бы культуру танца подняли в школе и в самом деле молодежь научили танцевать разные танцы, от вальса до рок-н-ролла, у нас не было бы такой удручающей картины дискотеки, какую мы сегодня имеем. Она, по-моему, оглушает. Это в прямом и переносном смысле топанье на месте.

К чему приучили, что дали, то и считается «своим»

КОРР.: — Ладно. Давайте говорить... о чем-то хорошем безусловно. Например, о счастье. Почему бы не поговорить о нем накануне дня рождения?

Е. ДОГА: — Счастье — это когда человек испытывает нечто непохожее на другие его состояния. Впервые для него. Для меня это всегда радость открытия, ощущение, что вот сделал что-то, чего раньше не удавалось. Я о творчестве, о чем же еще? Только радость — это не комфорт. Не думайте. И музыка — не комфорт.

КОРР.: — Вы композитор с именем, и пора, наверно, Вас спросить, композиторами рождаются или становятся?

Е. ДОГА: — По-разному становятся. В зависимости, что понимать под словом «композитор». Если понимать его как сочинителя мотивчиков, — это одно, а если понимать как сочинителя популярных песенок — это другое, а если понимать под этим словом изобретателя собственного мира, — который другими средствами не выразишь, тогда его можно назвать ком-

позитором. Пишущий музыку может и мотивчик найти, и запевку, но это одно из проявлений профессиональной техники. Это то, что лежит на поверхности. Но главное — то, что лежит глубоко. Много есть композиторов, успешно работающих, но открыть свой собственный мир дано очень немногим. Это если говорить о понятии «композитор», а не о слове, обозначающем профессию.

КОРР.: — Почему музыка у Вас если и веселая, то слышимая всегда как бы слегка через легкую дымку грусти?

Е. ДОГА: — Не понимаю, отчего. Бодрые люди меня всегда нервировали. Бодрячка я всегда рассматривал скептически. Я ему не доверяю. Естественно и бодрым мелодиям тоже. Я люблю оптимистическую музыку. Но бодрячков терпеть не могу. Не то, чтобы это была моя программа — ностальгия и тоска. Но я в себе их чувствую. Люди хотят говорить с собой. С самими собой грустными. В человеке минимум двое людей. Как матрешки: один в другом (не в кукольно-игрушечном понимании). Нужно искать диалог с собой. Если нет этого диалога, никогда не произойдет диалога с другими людьми. Как практически я это осуществляю? При рождении, написании произведения всегда гляжу в себя. В своего оппонента. «Я» физическое смотрит на «я» внутреннее.

КОРР.: — Этот второй всегда размышляет?

Е. ДОГА: — Что же еще делать (улыбается) в моем возрасте?

КОРР.: — Вернемся к празднику, который совпадает с Вашим юбилеем — «Мэрцишору». Что вообще ждате от музыкальных праздников, и что Вы ждете от нашего?

Е. ДОГА: — Я был в Зеленой Гуре на фестивале песни. Вот это был праздник, когда музыкой и песней живут от мала до велика, и не только в концертных залах, а на улицах, дома. Хотелось бы, чтобы мы отмечали «Мэрцишор» шире. Продумывали бы его программу в целом, как народный праздник, выносили бы его на улицы, в парки... Но искренне рад, что на моей земле, в моем замечательном, музыкальном, поющем народе — есть такой десятидневный фестиваль советского искусства. Доброго ему пути!

Беседу вела Е. ШАТОХИНА. Фото С. Карташева.